

Саммит ОТГ в Туркестане: «Цифровой коридор» и кризис казахско-турецких отношений

Комментарий Центра АРВАК, 30.05.2026

Аннотация

АРВАК анализирует итоги неформального саммита Организации тюркских государств (ОТГ), прошедшего в казахстанском городе Туркестан в мае 2026 года. Исследуется эволюция тюркского интеграционного проекта – от культурно-гуманитарного взаимодействия 1990-х годов до попыток Анкары трансформировать блок в полноценный военно-политический альянс. В работе подробно рассматриваются обозначившиеся стратегические противоречия между Анкарой и Астаной, обусловленные стремлением руководства Казахстана сохранить многовекторный баланс сил и избежать втягивания в конфронтацию с РФ и КНР. Особое внимание уделяется академическому сдвигу в казахстанской историографии в сторону «Степной культуры», дезавулирующему турецкие пантюркистские нарративы, а также роли Пекина в моделировании умеренной конструкции интеграции в Центральной Азии.

Ключевые слова: Организация тюркских государств (ОТГ), Турция, Казахстан, К.-Ж. Токаев, Р. Т. Эрдоган, пантюркизм, пантуранизм, «Цифровой коридор», «Степная культура», геополитический баланс, Центральная Азия.

1. Саммит в Туркестане: технологическое измерение тюркской интеграции

15.05.2026 в казахстанском городе Туркестан прошел неформальный саммит Организации тюркских государств (ОТГ), основной повесткой которого стали обсуждения и переговоры по вопросам искусственного интеллекта, цифровизации и углубления регионального сотрудничества. Тем самым мероприятие ознаменовало собой формирование еще одного интеграционного измерения тюркских стран, получившего название «*Цифровой коридор*». Присутствующие на саммите лидеры стран-участниц ОТГ в своих выступлениях подчеркнули необходимость форсированных мер по созданию в рамках интеграции единой платформы цифрового развития, предполагающей обмен опытом, софинансирование и передачу друг другу передовых технологических разработок.

Была также затронута тема корпоративной работы в области освоения космоса, для чего у стран-участниц имеются все финансовые и технические возможности. Главным посылом саммита стала идея о том, что без совмещения усилий в передовых технологических отраслях тюркская интеграция не может стать полноценной и эффективной структурой, способной решить поставленные перед собой амбициозные задачи. Цифровой прогресс – главный залог успеха отдельных государств и интеграционных платформ в современном мире, где экономика и военная сила без привязки к стремительно развивающимся передовым технологиям становятся неконкурентоспособными. Лидеры ОТГ зафиксировали данный постулат, выразив готовность к углублению технологической интеграции с перспективой коллективного выхода на позиции одного из глобальных центров цифровой индустрии.

Организация саммита в Туркестане отличалась особой торжественностью, которая, как отмечают аналитики, превзошла масштаб всех предыдущих встреч в рамках ОТГ. Подобное событие могло бы претендовать на более заметное место в глобальной информационной повестке, однако его медийный резонанс оказался несколько ограничен совпадением по датам с визитом Дональда Трампа в Пекин, проходившим с 13 по 15 мая, детали которого долгое время оставались закрытыми.

2. Внешняя атрибутика Астаны как инструмент дипломатического маневрирования

Эксперты полагают, что руководство Казахстана намеренно стремилось придать саммиту исключительную помпезность, желая обеспечить событию широкий международный резонанс и весомый дипломатический эффект. С особым размахом была организована встреча Реджепа Тайипа Эрдогана, прибывшего в страну 13.05.2026. Борт турецкого лидера еще на подлете к воздушному пространству Казахстана взяли под сопровождение истребители Сил воздушной обороны республики, почетный эскорт которых продолжался до самой посадки в столице. Подчеркивая статус гостя, президент Касым-Жомарт Токаев лично прибыл в аэропорт для торжественного приветствия коллеги.

Подобных почестей Астана в свое время удостаивала лишь Владимира Путина и Си Цзиньпина, что дало повод экспертам предположить, что Токаев тем самым приобщил Турцию к кругу наиболее важных для Казахстана государств, интересы которых Астана особо учитывает при выработке своей внешней политики. Также высказывались мнения о том, что Токаев сыграл на амбициозности и честолюбии Эрдогана, стремясь смягчить ожидаемое недовольство турецкого лидера в связи с посланиями заготовленной программной речи казахстанского лидера на саммите.

В связи с этим заслуживает внимания версия о том, что особое отношение к визиту Эрдогана и пышные церемонии его чествования на самом деле связаны с серьезными противоречиями, возникшими в казахско-турецких отношениях по поводу перспектив тюркской интеграции. В последнее время данные противоречия еще больше углубляются, в связи с чем президент Токаев стремится компенсировать внешней атрибутикой взаимопонимания и братства негатив от несовпадения своих позиций с турецкими интересами по ряду принципиальных вопросов. Главным образом эти противоречия обусловлены тревогами казахстанских элит по поводу усилий Анкары добиться асимметричного доминирования в рамках проекта тюркской интеграции и превратить ОТГ в инструмент геополитической борьбы между глобальными центрами силы.

3. Генезис тюркского проекта: от культурной идентичности к геополитическому альянсу

Саму идею проекта институционализации связей и сотрудничества тюркских государственных образований в рамках международной организации выдвинула Турция. В 1992 г. по инициативе президента Турции Тургута Озала в Анкаре состоялся первый саммит тюркоязычных государств, на котором, помимо Озала, присутствовали лидеры Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Туркменистана. Уже в том же 1992 г. в Алма-Ате была образована «Объединенная администрация тюркских искусств и языков». В июле 1993 г., опять же в казахстанской столице, было подписано соглашение о создании «Международной организации тюркской культуры». В 1998 г. в Баку была образована «Парламентская ассамблея тюркских стран».

Изначально упомянутые структуры главным образом были сфокусированы на повестке налаживания глубоких культурных связей между тюркскими странами, взяв за основу языковую, генетическую и отчасти конфессиональную идентичность их основного населения. Инициативы в данной области были позитивно восприняты обществами и

элитами постсоветских тюркских республик, переживавших эйфорию распада СССР и остро нуждавшихся в новых геополитических и ментально-цивилизационных ориентирах. Сотрудничество в сфере совместных культурных и образовательных программ развивалось с большим успехом и быстрыми темпами, что уже с начала 2000-х гг. побудило Турцию конвертировать достигнутые результаты в политическое измерение.

Анкара стала последовательно продвигать идею о необходимости создания политической платформы интеграции, которая, в свою очередь, выведет на новый качественный уровень экономическое взаимодействие между тюркскими странами, уже оправившимися от постсоветской деиндустриализации и упадка.

03.10.2009 в Нахиджеване между главами Турции, Азербайджана, Казахстана и Кыргызстана было подписано соглашение о создании международной организации «Тюркский совет». Тем самым интеграция явно приобрела контуры геополитического проекта, функциональность и сфера деятельности которого выходили за рамки культурно-языковой унификации тюркских стран. Из опасений трансформации отношений в нечто большее, чем культурные связи, Туркменистан отказался от участия в организации, сославшись на признанный ООН нейтральный статус, а Узбекистан оставил без ответа предложение присоединиться к формату. Ашхабад и Ташкент увидели в «Тюркском совете» угрозу превращения Центральной Азии в арену острой геополитической борьбы, особенно на фоне уже усиливавшихся к тому времени в Турции аффилированных с властью радикал-идеологических движений пантюркизма и пантуранизма.

Туркменистан и Узбекистан сторонились турецкой линии на обострение отношений с Россией, которая, в свою очередь, фактически провозгласила на Мюнхенской конференции безопасности 2007 г. (речь В. Путина), что намерена подвергнуть ревизии отношения с Западом и рассматривает территории отделившихся бывших республик СССР в качестве зоны своих исключительных стратегических интересов.

4. Динамика расширения ОТГ и институциональные цели Анкары

Однако в сентябре 2019 г. Ташкент все же подал официальную заявку на членство в совете. Очевидно, определяющую роль в этом сыграло стремление нового президента Узбекистана Шавката Мирзиёева кардинально переформатировать курс на самоизоляцию Ташкента, практикуемый прежними элитами во главе с Исламом Каримовым. Этому способствовали также осязаемое ослабление влияния Москвы в Центральной Азии, нарастающая дестабилизация в Афганистане, где американцы также постепенно утрачивали контроль над ситуацией, и, наконец, рост китайского финансово-экономического экспансионизма в регионе. Узбекистан остро нуждался в геополитической опоре, которая позволила бы ему остановить проникающий с юга исламский радикализм и усиливающееся с востока китайское влияние. Кроме того, изолированность страны от тюркского сообщества стимулировала рост влияния Астаны в Центральной Азии, с которой у Ташкента после распада СССР развернулось скрытое соперничество за региональное лидерство. Присоединение Узбекистана к «Тюркскому совету» существенно нарастило потенциал тюркского интеграционного проекта, открыв путь к становлению полноценного геополитического альянса.

Опять же, главным образом по инициативе Анкары, в ноябре 2021 года «Совет сотрудничества тюркских государств» на Стамбульском саммите был переименован в «Организацию тюркских государств» (ОТГ), что, по мнению аналитиков, знаменовало собой становление на континентальной арене нового геополитического конструкта, претендующего на роль организатора архитектуры безопасности на обширном пространстве от Восточного Средиземноморья до границ Китая. После этого к ОТГ в статусе наблюдателя присоединился Туркменистан – с перспективой полноценного членства, а также непризнанная Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК) и Венгрия, что существенно расширило пространство геополитического планирования альянса и зону его потенциальных интересов.

Учитывая противоречивый опыт деятельности «Лиги арабских государств» (ЛАГ) – объединения, также выстроенного по принципу этноязыковой родственности стран, – Турция как страна-инициатор создания ОТГ стремилась к достижению максимальной гибкости механизмов жизнедеятельности альянса. Анкара не желала довольствоваться ролью ОТГ как сугубо надгосударственного консультативного органа с символическими функциями, решения которого не являются обязательными для исполнению его участниками. Тюркская интеграция изначально была призвана планомерно возвести принцип коллективных интересов и согласованных действий в степень императива ОТГ, естественно, при условии негласного признания за Турцией статуса координатора и лидера надгосударственного образования.

Анкара строила проект последовательно и поэтапно, на начальном этапе действуя крайне осторожно и избегая откровенной политизации интеграционной платформы, поскольку учитывала масштабы остаточного влияния постсоветской России в регионе, амбиции набирающего силу Китая и интересы Запада, постепенно проникающего в пространство Черноморско-Каспийского бассейна и Центральную Азию.

С другой стороны, Турция старалась не раздражать избыточной активностью местные традиционные элиты, позволяя им брать от инициативы тюркской интеграции ровно столько, сколько необходимо для гарантированного сохранения политических позиций и сосредоточенного в их руках после распада СССР капитала. Поэтому Анкара предпочла не форсировать повестку военно-политического измерения тюркского альянса, а решать данную задачу поэтапно, достигая своих конечных целей посредством планомерной работы по распространению идей этноязыковой идентичности тюркских республик, их культурно-цивилизационной и ментальной общности, а также инициатив по внедрению единого алфавита, образовательных программ и научной базы. Параллельные инициативы – глубокая интеграция экономик, создание совместных инвестиционных фондов и финансовых структур, логистическая и энергетическая конвергенции, общепринятые таможенно-пошлинные стандарты, коллективное взаимодействие по освоению космоса и обеспечению технологического рывка тюркского пространства.

5. Сдерживающие факторы Астаны: факторы РФ, КНР и внутренней стабильности

Анкара не без оснований считала, что совокупный эффект от успешной реализации этих программ логически подведет интеграционный проект к финальному этапу –

образованию военно-политического альянса. Символическим стартом вступления в данный этап следует считать Стамбульский саммит в ноябре 2021 г., когда «Тюркский совет» был официально переименован в «Организацию тюркских государств». Однако реальной отправной точкой для заявки интеграции на геополитическую статусность, по всей видимости, следует считать Карабахскую войну 2020 г., выявившую прямое военное вмешательство Турции в южнокавказскую повестку и определившую контуры географического пространства, посредством которого Турция намерена решить наиболее сложную проблему на пути становления тюркского единства – установление сухопутного коридора с Азербайджаном и странами Центральной Азии.

Именно эти события послужили сигналом для Казахстана проявить крайнюю осторожность и постараться ограничить заданный Турцией ускоренный темп действий по оформлению тюркской интеграции в военно-политический альянс. Очевидно, что январские события 2022 г. в Казахстане, по итогам которых Нурсултан Назарбаев окончательно сошел с политической арены и произошла реформатизация элит, во многом были напрямую связаны с беспрецедентной активизацией Турции в Центральной Азии и ответной реакцией России. События в Казахстане послужили поводом для экспертов пересмотреть оказавшееся ошибочным мнение о том, что Казахстан без особых колебаний воспринял идею тюркской интеграции, а его участие в ней протекало достаточно гладко.

Начиная с 1990-х гг., когда турецкая инициатива еще находилась на стадии осмысления и разработки, Алма-Ата увидела в ней опасность подрыва баланса в Центральной Азии. На втором Стамбульском саммите тюркских государств в октябре 1994 г. президент Казахстана Н. Назарбаев призвал расширить формат предлагаемой Турцией интеграции, включив в нее РФ, КНР и страны Восточной Европы. На этой же встрече произошел конфликт турецких политиков с наблюдающими за работой саммита представителями от России, что лишь усилило опасения Алма-Аты относительно того, что турецкая инициатива может дестабилизировать как саму республику, так и регион в целом. Казахстану импонировала перспектива вовлечения Турции в регион, поскольку это способствовало бы созданию противовеса России. Однако, с другой стороны, чрезмерное увлечение элит и общества идеями создания геополитического альянса на почве этноязыковой общности вызывало опасения за радикализацию националистических настроений в республике и перспективы межнационального конфликта, угрожающего потерей суверенитета над значительными русскоязычными территориями на севере страны.

Другим сдерживающим фактором был Китай, наращивающий свое присутствие в Центральной Азии. С учетом проблем КНР с уйгурским национализмом, излишняя активность Казахстана в вопросе «тюркизации» общественных настроений и популяризации протурецкого политического вектора могла бы крайне негативно отразиться на взаимоотношениях с Пекином.

6. Экономическая суверенность Казахстана против радикализма пантюркизма

В течение почти двух десятилетий со дня запуска работы первых интеграционных механизмов Казахстан стремился капитализировать тюркский проект в инструмент сдерживания российского ревизионизма и китайской экспансии, однако при этом старался

ограничивать возрастающее турецкое влияние в рамках Совета и держать под контролем хрупкую грань, за которой идея тюркской солидарности могла трансформироваться в агрессивные формы пантюркизма и пантуранизма. Ограничению казахстанскими элитами избыточного влияния Турции в рамках интеграции способствовал более интенсивный, по сравнению с другими тюркскими странами, рост экономики.

Финансово-экономическая самодостаточность казахстанских элит укрепила их способность контролировать подспудные попытки Турции популяризировать националистические и исламистские идеологии в наиболее уязвимых слоях общества. С учетом успешного экономического развития и укрепления многоуровневых связей страны с Россией, Китаем и коллективным Западом, идеи геополитической и геоэкономической интеграции тюркского мира достаточно ощутимо утратили свою актуальность для Астаны. В то же время Турция настойчиво пыталась оказать давление на казахстанские элиты посредством капитализированных за два десятилетия радикал-националистических настроений отдельных сегментов общества и недовольных социальной политикой Астаны определенных групп населения. События января 2022 г. напрямую перекликаются с геополитической активизацией Турции в Казахстане, хотя впоследствии и Анкара, и Астана постарались по возможности избежать взаимных обвинений и не демонстрировать наличие серьезных противоречий относительно будущего их отношений в формате ОТГ.

7. Академический сдвиг Астаны: концепция «Степной культуры» и роль КНР

Если до 2022 г. Казахстан прилагал усилия для торпедирования планов Турции по политизации и милитаризации интеграционного проекта, то после этих событий Астана стала проявлять явные признаки утраты интереса к нарративам о крайне близкой этноязыковой связи и историко-цивилизационной общности казахов с турецким народом. Несмотря на формально реализуемые программы создания единого алфавита, научно-образовательной терминологической базы и пропаганды тезисов о наличии широких историко-культурных пластов, якобы доказывающих общность истории турок с народами Центральной Азии, Астана параллельно активно внедряет в общественное сознание идею об уникальности исторического пути казахов.

В последние несколько лет казахстанские историки, археологи, генетики и антропологи настойчиво продвигают в научно-образовательной среде дискурс о принадлежности казахов к так называемой «Степной культуре», их историко-цивилизационного происхождения из ордынской эпохи и прямой взаимосвязи с Чингизидами. В указанных академических трудах, научных статьях и образовательных лекциях казахская история в глобальном масштабе, начиная с раннего средневековья, практически не пересекается с историческим путем племенных образований, давших начало турецкой нации.

Объективно данные исследования не содержат сенсационных выводов, однако сам факт их масштабного распространения в казахстанской среде и в международных научных кругах наносит существенный урон всему конструкту тюркской интеграции, фундаментом которого служил спорный, с научной точки зрения, нарратив об историко-цивилизационной общности турецкого и казахского народов.

Турция не может не замечать, что в широком смысле речь идет не об объективном поиске казахами исторической идентичности, а о выборе политико-цивилизационного вектора, обращенного к Востоку. Речь идет о геополитической ориентации, исключающей турецкую проекцию объединения тюркских народов. Это крайне противоречащий проекту ОТГ выбор, поскольку он лишает Анкару возможности геополитической консолидации родственных народов Центральной Азии на собственных условиях и в своих глобальных интересах.

Также не исключено, что Анкара усматривает за действиями Казахстана результаты активности китайской стороны. Возможно, именно Пекин, исходя из своих интересов по «уйгурскому вопросу», посредством Астаны моделирует собственное видение конструкции тюркской интеграции, в которой именно умеренному и тесно встроенному в «Великий Шелковый путь» Казахстану отводится роль доминирующего игрока и лидера в среде родственных народов и государств.

Резюме: пределы тюркского оборонного альянса

Эксперты высказывают мнение о том, что содержание и ключевые послылы речи президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева 15.05.2026 на саммите в Туркестане прежде всего были адресованы Р. Т. Эрдогану. Токаев дал понять турецкому коллеге, что Астана по-прежнему придерживается идеи о необходимости максимального углубления взаимодействия тюркских республик по всем направлениям интеграционной повестки. Однако перейти на следующую ступень формата Казахстан не готов. Астана не исключает сотрудничества в области обороны и оборонной промышленности, но выступает против превращения ОТГ в военно-политический альянс и тем самым намерена не допустить обострения борьбы в регионе и нарушения складывающегося баланса сил. Токаев четко обозначил границу потенциала интеграции, выход за который грозит объединению демонтажом. Судя по политике последних лет, у Астаны есть альтернатива турецким планам, в процессе реализации которой она, вероятно, не будет лишена поддержки одного из главных игроков в регионе – Китая и, возможно, России.

Следует предположить, что турецкий президент покинул Казахстана не с самыми значительными достижениями. Устроенный в его честь торжественный прием лишь подчеркнул наличие серьезных проблем турецкой стратегии в Центральной Азии. Косвенным подтверждением этого может служить и примечательный шаг российского президента. В. Путин в преддверии своего визита в Казахстан опубликовал статью, в которой выразил признательность казахстанскому коллеге за участие в параде 9 мая и за безоговорочное содействие российско-казахстанскому «*союзу в сердце Евразии*». По мнению аналитиков, речь идет демонстрации удовлетворенности Кремля фактическим «сломом» турецкой игры в Центральной Азии.